ПОЛИТИКА

Идея евразийской интеграции сегодня в поле зрения политиков, парламентариев, ученых и экспертов. И не случайно. Она открывает небывалые возможности для всех стран и народов Евразии выйти на новый уровень экономического, социального и культурного взаимодействия

Подборка в «политическом» разделе издания МПА ЕврАзЭС – организации, призванной способствовать экономическому развитию на значительной части евразийского пространства, сразу же, в первой статье, затрагивает острую тему для экономики. Речь о постоянном росте мирового спроса на традиционные энергоресурсы. Авторы статьи обоснованно утверждают, что энергетическая взаимозависимость в мире, а значит, и борьба за контроль над энергоресурсами будут возрастать. Поскольку росту потребления энергии в производстве, в социальной сфере – во всем хозяйствовании государств не видно конца. Не в стороне от этого и страны постсоветского пространства. Его богатый ресурсный потенциал, в частности потенциал Центральной Азии, после распада СССР стал причиной особого интереса к региону не только стороны России и Китая, но и США и Европы. Геостратегия, пишут доктор наук и его ученик аспирант, диктует свои правила: чтобы сотрудничество в интересующем регионе не приняло ущемляющее твои интересы направление, необходимо напрямую в нем участвовать, по возможности – возглавить его. С этого места и начинаются подробности с Энергетическим клубом (теперь это официальное название) Шанхайской организации сотрудничества. Скажем, не дословно цитируя авторов, что в первое десятилетие ШОС Китай провел здесь масштабную работу, не оглядываясь в сторону РФ. Закончим свое представление статьи ее заголовком: «Будущее Энергетического клуба», считая, что этого достаточно, чтобы побудить к чтению – нет, не детективным развитием сюжета, а экономической сутью данного материала.

Следующая статья раздела, в которой говорится, что на фоне кризиса модели глобализации, а также превращения Азии в новый центр экономики и политики, рассматривается возможность углубления интеграции по европейскому типу, в особом представлении не нуждается. Достаточно сказать, что автор ее М.И. Кротов, доктор экономических наук, профессор, также Советник Председателя Государственной Думы РФ. И добавим – давний автор нашего журнала.

Назовем несколько заголовков глав статьи двух докторов наук, О.Н. Астафьевой и В.И. Савинкова, чтобы представить диапазон, а вернее, всесторонний анализ авторами их статьи о гуманитарных горизонтах евразийской экономической интеграции: «Инновационные импульсы интеграции: чужой опыт может быть полезным»; «Социально-культурные проблемы интеграционного процесса»; «Единое информационно-коммуникативное пространство»; «Социокультурные реалии и перспективы ЕЭП».

Взгляду в будущее, перспективам углубления евразийской интеграции посвятил свое выступление в нашем журнале профессор кафедры теории и истории государства и права Межрегионального института экономики и права (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук И.Ж. Искаков. Он, обладая обширной доказательной базой, показывает, что процесс евразийской интеграции развивается медленно, но верно. По сравнению с сорокалетней историей формирования Евразийского союза создание Евразийского экономического сообщества проходило значительно быстрее. Но это, согласимся с автором, не означает, что на пути дальнейшего развертывания интегративных процессов временами не будут возникать препятствия, замедления или ускорения. Но важно, что процесс интеграции поднимается на новый уровень и со временем приведет к формированию нового геополитического центра мировой политики.

И.В. Зеленева,
А.В. Власов

Будущее Энергетического клуба Шанхайской организации сотрудничества в контексте евразийской интеграции

The Future of Energy Club the Shanghai Cooperation Organization in the context of the Eurasian integration

Аннотация: Сегодня на Евразийском континенте остро стоит вопрос о транзите углеводородов, нефти и природного газа, которыми богат этот регион. Авторы статьи считают, что энергическая взаимозависимость в мире по мере роста потребления энергии будет усиливаться, так же как и борьба за контроль над энергоресурсами. Они обстоятельно анализируют сложившуюся ситуацию в условиях постоянного роста мирового спроса на традиционные энергоресурсы в условиях их исчерпаемости и предлагают всем заинтересованным государствам сообща решать проблему.

Summary: Today on the Eurasian continent sharply there is a question of transit of hydrocarbons, oil and natural gas with which this region is rich. Authors of article consider that energetic interdependence in the world in process of growth of consumption of energy will amplify, as well as fight for control over energy resources. They in details analyze current situation in the conditions of continuous growth of world demand for traditional energy resources in the conditions of their ischerpayemost and suggest all interested states to solve a problem together.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; энергетическая безопасность; Центральная Азия; евразийская интеграция; Энергетический клуб ШОС.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization; Energy Security; Central Asia; Eurasia Integration; SCO's Energy Club.

Зеленева Ирина Владимировна
Санкт-Петербург,
Российская Федерация
Профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор исторических наук
irina_zeleneva@mail.ru

Власов Анатолий Валерьевич
Санкт-Петербург,
Российская Федерация
Аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
a_vlasov88@mail.ru

Zeleneva Irina Vladimirovna
St. Petersburg,
the Russian Federation
Professor of chair of world politics,
doctor of historical sciences
irina_zeleneva@mail.ru

Vlasov Anatoly Valeryevich
St. Petersburg,
the Russian Federation
Graduate student of faculty international relations
St. Petersburg state university
a_vlasov88@mail.ru

Постоянный рост мирового спроса на традиционные энергоресурсы в условиях их исчерпаемости требует от государств согласованных действий по обеспечению своих экономик этими ресурсами, т.е. ставит перед ними вопрос обеспечения собственной энергетической безопасности. Этот вопрос, традиционно рассматриваемый ведущими державами в качестве одного из наиболее приоритетных аспектов «мягкой» безопасности, с каждым десятилетием становится все более и более актуальным – как для нуждающихся в самих ресурсах, так и для поставщиков последних. Богатый ресурсный потенциал постсоветского пространства, в частности, Центральной Азии, после распада СССР стал причиной особого интереса к региону не только России и пограничного Китая, но и США, и даже Евро-

пы. Геостратегия диктует свои правила: чтобы сотрудничество в интересующем регионе не приняло ущемляющее твои интересы направление, необходимо напрямую в нем участвовать, а при возможности – возглавить его. На сегодняшний день на постсоветском пространстве Россия создала несколько интеграционных механизмов, позволивших ей ослабить широкое поле угроз «мягкой» и «жесткой» безопасности; однако соседство с набирающим политический вес Китаем в начале 90-х годов прошлого века поставило беспрецедентную задачу консенсуса в Центральноазиатском регионе (ЦАР). Результатом труда всех участников зародившегося в середине 90-х годов прошлого века форума «Шанхайской пятерки» России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и КНР (после присоединения к нему Узбекистана), стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), уникальное интеграционное объединение в истории человечества в плане ресурсного и человеческого капитала, отпраздновавшее в 2011 году свой первый юбилей.

Значимость интеграционных процессов ШОС для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в целом, и для России, в частности, обуславливается некоторыми особенностями этой организации. Во-первых, нужно отметить, что это единственный проект России на постсоветском пространстве, участником которого является не входившее в Советский Союз государство – Китайская Народная Республика, одна из лидирующих держав постбиполярного мира. Таким образом, для многих стран-участников Шанхайская организация сотрудничества становится своего рода мостом в юго-восточную часть АТР. Во-вторых, ШОС – открытая организация. На сегодняшний день, после саммита Совета глав государств 7 июня 2012 года, она насчитывает, помимо собственно членов, пятерых наблюдателей (Индия, Иран, Монголия, Пакистан и с 2012 года Афганистан) и трех так называемых «партнеров по диалогу» (Белоруссия, Шри-Ланка и новый партнер в лице Турции), что, в перспективе, создает почву для панъевразийских интегративных процессов – учитывая интерес к ней таких, не входящих в список наблюдателей, стран, как Украина и Япония, а также принимая во внимание инициативу В.В. Путина по подготовке универсального регламента принятия новых членов организации, что может приблизить переход Индии, Пакистана и Монголии из наблюдателей в постоянные члены Шанхайской организации сотрудничества [8]. Наконец, у ШОС, как у международной организации, декларирован достаточно широкий спектр целей и задач в различных областях сотрудничества: страны-участники не ограничиваются какой-либо одной сферой деятельности. На сегодняшний момент в рамках ШОС осуществляется партнерство силовых структур, финансовых институтов, экономики, культуры и энергетики [1]. Все это говорит в пользу того, что Шанхайская организация сотрудничества была создана Россией и Китаем для удовлетворения интересов в сферах «мягкой» и «жесткой» безопасности, причем не только в ЦАР, но и за его пределами (что также позволяет проводить политику «зрелых держав» по отношению к «младшим» партнерам). И, как было сказано выше, по ряду объективных причин вопросы энергетического партнерства и энергетической безопасности в деятельности ШОС не могут не занимать далеко не последнее место. Профессор МГИМО С. Лузянин видит в этом результат регионализации мирового энергетического пространства и начало формирования «условно “новых” энергетических пространств, прежде всего азиатско-тихоокеанского и евразийского» [13, с. 481]. Однако координация партнерства в рамках этого формирующегося «энергетического пространства» встречает на своем пути определенные трудности.

Начнем с того, что ШОС, в силу географических и геологических причин, состоит из трех «единиц»:

- блок стран – экспортеров нефтепродуктов и природного газа без иных развитых сфер энергетики в лице стран Центральной Азии;

- крупнейший импортер нефтепродуктов Китай, цель которого – открытый доступ к ресурсам региона, носитель новейших технологий;

- Россия, как экспортер энергоресурсов, носитель технологий и государство, в геостратегических интересах которого контроль над путями экспорта нефтепродуктов из ЦАР.

В России достаточно быстро пришло понимание, что сотрудничество двустороннего характера между этими «единицами» по направлениям Россия–ЦАР и ЦАР–КНР несет в себе определенную угрозу влиянию страны в регионе и даже возможной потери контроля над транспортными коридорами. Росли опасения, что при отсутствии строгого контроля с российской стороны ее восточный сосед с мощной экономикой, получив благодаря ШОС «зеленый свет» своим региональным энергетическим проектам, станет доминировать в регионе, решая задачу обеспечения себя сырьем в обмен на технологии, инвестиции и товары, и это несмотря на успехи и влияние другого, российского проекта – Евразийского экономического сообщества, в которое входят все бывшие советские республики–члены ШОС [14]. Объективно, будучи крупнейшим экспортером нефтепродуктов постсоветского пространства и будучи зажатой между двумя крупнейшими импортерами континента – Китаем и Европой, Россия не могла не испытывать подобные опасения за жизненно важный сектор своей экономики [2]. Первое десятилетние деятельности ШОС подтвердило их обоснованность: за этот срок Китай провел масштабную работу по налаживанию энергетического партнерства с центрально-азиатскими республиками, не оглядываясь в сторону Российской Федерации. Ситуация усложняется тем, что испытывающие экономические проблемы страны ЦАР вот уже два десятка лет сотрудничают с тем, кто им предложит реальные инвестиции, проекты, перспективы. Подобная позиция никак не может соответствовать интересам России, для которой геополитически и геостратегически важно иметь авторитет в регионе. В узком смысле поведение центрально-азиатских коллег угрожает плодотворному функционированию не только ШОС, но и ЕврАзЭС, и ОДКБ, особенно при наличии внешнего фактора в лице США.

Стоит отметить, что еще в 1990-х годах Китай выдвигал сеть энергетических, транспортных, трубопроводных проектов, которые получили название у западных экспертов «паназиатское энергетическое кольцо» и «паназиатский энергетический мост». Основой проектируемой трансъевразийской энергетической магистрали должны были стать казахстанско-транскитайский проект и трубопровод Нека – Тегеран. Однако в силу нестабильности региона реализация этих проектов затянулась и перекочевала в следующий век. По этой и другим причинам главными поставщиками нефтепродуктов в КНР до начала 2000-х годов были страны Персидского залива [16]. Но поскольку уже несколько лет Ближний Восток в результате политики США представляет собой регион нестабильности, Китай активизировал работу в Центральной Азии по вопросам энергетического сотрудничества и сотрудничества в сфере транспортных коммуникаций.

Здесь нельзя не сделать короткое отступление и не осветить стратегико-идеологическую базу, которую подводит правительство Китая под свою политику в регионе. Как отмечает известный китайский политолог Ся Ишань, наблюдаемая региональная деятельность КНР является результатом политики (скорее, даже философии) «выхода вовне» (*цзоучуцюй*), которая, в первую очередь, обращена на прилегающие территории: «… центрально-азиатские государства обладают богатыми нефтегазовыми ресурсами, являются дружественно настроенными соседями и обладают относительной политической стабильностью, поэтому с точки зрения долгосрочной перспективы, центр тяжести должен находиться здесь» [21, с. 6]. Из деятельности Китая, направленной на реализацию политики «выхода вовне», в первую очередь, стоит отметить двустороннее

сотрудничество КНР с самой благополучной во всех отношениях страной региона – Казахстаном. Это сотрудничество сегодня носит определенно стратегический характер, так как оно нацелено на диверсификацию экспорта энергоносителей из региона на мировые рынки. Учитывая, что Казахстан находится на восьмом месте среди стран мира по доказанным запасам нефти, партнерство с ним – основа доступа Китая к ресурсам региона [12]. Уже в 2005 году, согласно статистическим данным, китайская экономика превысила в потреблении нефтепродуктов показатели США [15]. Таким образом, растущий энергодефицит КНР требует расширения импорта энергоносителей, и центральноазиатские державы здесь – самый оптимальный выход для китайской экономики. Крупнейший проект в этой сфере, стартовавший в 2002 году, особая гордость казахов и китайцев – не так давно сданный в эксплуатацию нефтепровод Казахстан–Китай. В 2006 году, когда часть участков была уже построена, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписал договор о строительстве третьей, последней очереди нефтепровода [16]. Сегодня этот нефтепровод соединяет собой каспийский порт «Атырау» с участком второй очереди, «Атасу-Алашанькоу», протяженностью почти в 962,2 км, построенному совместно АО «Казтрансойл» и Китайской национальной нефтегазовой компанией (КННК) [5]. Сейчас нефтепровод загружен лишь частично. Причем, что любопытно, часть нефти сегодня по нему течет российская – это связано с тем, что по какой-то причине обязательства по поставкам между казахской компанией и Китаем вступили в конфликт, что привело к подписанию договора между Россией и Казахстаном о поставках нефти КНР в 2007 году [16]. Другой совместный масштабный проект – газопровод Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–КНР, который является продолжением проекта газопровода Туркменистан–Китай, первая очередь которого была введена в эксплуатацию в 2009 году [4]. Вот как оценивает данное событие авторитетное издание «Folha» в Бразилии, довольно дружественной России державы: «...1800-километровый трубопровод, который соединил Туркмению и КНР, положил конец монополии России на маршруты экспорта газа из региона» [7].

Реализация только этих двух проектов создает альтернативу российским энергоносителям и трубопроводам, проходящим на территории РФ, и в перспективе приведет к диверсификации путей транзита и экспорта углеводородов стран Центральной Азии, а ведь существуют также проекты Китая по разработке нефтегазовых месторождений в Узбекистане по инициативе все той же китайской госкорпорации КННК [16]. Но нефть – не единственная основа энергетического сотрудничества Китая со странами Центрально-азиатского региона. Дело в том, что Казахстан – не просто ядерная держава, но мировой лидер по добыче и обогащению урана [19]. Для Китая это, конечно же, огромная удача – и серьезная проблема для России, так как Казахстан, таким образом, становится стратегическим партнером КНР в сфере ядерной энергетики. В 2007 году Гуандугская атомно-энергетическая корпорация и «Казатомпром» подписали «Соглашение о расширении и углублении стратегического сотрудничества», которое призвано регламентировать процесс изготовления и поставок ядерного топлива из Казахстана в КНР [16]. В перспективе реализация этого соглашения приведет к тому, что Казахстан будет поставлять практически весь уран в Китай, который намерен увеличивать долю мирного атома в своей энергетике.

Логично, что успехи китайской стороны не могли пройти незамеченными Россией, перед которой встала новая геостратегическая задача уменьшить китайское влияние в энергетической сфере регионального сотрудничества. В условиях, когда меняется не только ценовая, но и геополитическая структура глобального нефтяного рынка, решить подобную задачу можно было лишь двумя способами: предложив что-то матери-

альное в объемах, превышающих китайские (инвестиции например) или же проявив инициативу, предложив проект, который бы сделал мнение России самым авторитетным в вопросах энергетического партнерства. Руководство Российской Федерации прибегнуло к излюбленному китайцами методу «soft power», что в перспективе обещает стать одним из самых удачных ее внешнеполитических шагов за последние несколько лет. Это решение было впервые озвучено В.В. Путиным в 2006 году в виде анонса проекта Энергетического клуба (ЭК) ШОС [14].

Спустя три года (много это или мало, судить сейчас не представляется возможным), в рамках Екатеринбургского саммита ШОС (2009 г.), особо подчеркнув, что энергетическое сотрудничество *вне* организации приобрело широкий размах, российская сторона достаточно подробно раскрыла содержание идеи Энергетического клуба, позиционировав его как неформальный форум экспертов, бизнесменов и представителей государственных структур по вопросам энергетики. Как было отмечено, «...такого рода энергетический клуб мог бы стать эффективным инструментом для сопряжения национальных энергетических стратегий и одновременно этот механизм мог бы содействовать выработке международного юридически обязывающего документа, охватывающего все аспекты глобального энергетического сотрудничества» [11].

Исходя из предложений российской стороны в 2009 году на Санкт-Петербургском экономическом форуме и Екатеринбургском саммите ШОС, можно было сделать вывод, что сбывается предположение американского политолога Стефена Бланка о трансформации ШОС в Энергетический клуб, которое он выдвинул в 2006 году сразу после достаточно сжато изложенного В. Путиным предложения о его создании. Уже тогда в США создание ЭК ШОС воспринималось как важный геостратегический ход России в Евразии [20]. Как писал в 2008 году Сергей Лузянин, с самого начала было понятно, что проект Энергетического клуба является необычайно перспективным, так как мог бы стать инструментом влияния на китайскую экономику через ее объективно слабое место – растущий год от года дефицит энергоносителей [14]. С. Лузянин тогда выделил несколько возможных измерений концепции ЭК – страновое, как развитие шести национальных энергетических моделей, центральноазиатское субрегиональное, на уровне республик ЦАР, регионально-евразийское, как пространство четырех стран Центральной Азии, России и Китая и, наконец, глобальное [14]. Сама по себе подобная классификация говорит о том огромном потенциале, который содержит эта идея.

Однако все это было бы пустыми словами, если бы Россия не предпринимала конкретные шаги по созданию полноценного Энергетического клуба (сегодня это название официальное). В самом начале, еще в 2007 году, путь по созданию ЭК начался с консультаций в сферах атомной и гидроэнергетик, в рамках которых стоит отметить совместное предприятие России и Казахстана по добыче урана «Заречное» [3], реконструкцию Экибастузской ГРЭС-2 (Россия–Казахстан), строительство Сангтудинской ГЭС-1 (Россия–Таджикистан), проектирование Камбаратинской ГЭС-1 (Россия–Кыргызстан) [9]. Важно, что Россия проявила инициативу по строительству магистральных энергосетей с перспективой выхода за пределы региона, в Южную Азию – что, безусловно, придает евразийское значение ее инициативам [18]. В 2010 году в Москве прошла масштабная конференция «Атомное сотрудничество на пространстве ШОС», организованная Деловым советом организации, которую ее официальные представители назвали первым полноценным мероприятием Энергетического клуба [3]. Мероприятие, в котором приняли участие представители стран-наблюдателей, стало попыткой ответного хода китайскому сближению с Казахстаном через привлечение к сотрудничеству максимального количества заинте-

ресованных сторон, что создает в перспективе своего рода механизм взаимного сдерживания, по большей части обращенного в сторону КНР (при поддержке Ирана и Индии). Это сдерживание, скорее всего, не будет препятствовать сотрудничеству в принципе, но позволит сделать его более-менее управляемым для России, а сами результаты сотрудничества будут устраивать широкий круг участников.

К вопросу транзита ресурсов нефтегазовых отраслей российская сторона также активно привлекает внимание, чтобы перехватить инициативу у КНР. В 2007 году в Душанбе на то время Председатель Правительства Российской Федерации Михаил Фрадков предложил центрально-азиатским партнерам помощь в модернизации существующих и, если необходимо, постройке новых нефте- и газопроводов [18]. Здесь нужно обратить внимание на «модернизацию» как конкретное конкурентное предложение, на которое есть спрос и которое способно укрепить авторитет России. Нельзя забывать и о том, что, опять-таки, благодаря привлекательности ШОС для ряда крупных игроков континента у России есть шанс сохранить контроль над транзитом ресурсов, в частности, путем организации нефтепровода Иран – Туркменистан – Узбекистан – южный Казахстан – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с перспективой прокладки транспортного плеча в Европу [17], в рамках которого Россия сохранит статус ключевой транзитной страны. На сегодняшний день опасения вызывает одно: возможность военного вторжения в Иран со стороны США, что, в случае потери Ираном суверенитета, приведет к необратимому краху многих энергетических проектов в Евразии.

Владимир Путин, как политик, пользуется высоким авторитетом у глав Китая и центрально-азиатских стран, и потому важно, что, будучи на посту Председателя Правительства Российской Федерации именно он продолжает лоббировать интересы своего «детища», Энергетического клуба, подталкивая коллег на активизацию работы в этом направлении. 23 сентября 2011 года на встрече глав энергетических ведомств в китайском городе Сиань стран–участниц ШОС при участии Пакистана и Ирана была принята Сианьская инициатива о запуске Энергетического клуба ШОС, а 28 октября в Москве прошло первое заседание Группы высокого уровня по созданию Энергоклуба, на котором было решено к началу 2012 года запустить его механизм [9]. Спустя несколько дней, седьмого ноября, В. Путин попросил коллег поторопиться с институциональным оформлением ЭК, особо подчеркивая его важность не только для членов организации, но и наблюдателей и партнеров по диалогу [9]. Стоит отметить, что китайский Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао на встрече с журналистами в тот же день заявил, что Китай также выступает за скорейшее создание Энергетического клуба [10]. Однако в ходе последнего саммита Совета глав государств 7 июня 2012 года официальных заявлений об институциональном оформлении клуба от ШОС не поступало.

Без подобного «подталкивания», без помощи заинтересованных в сотрудничестве государств за пределами региона ШОС и без предложения конкретных проектов по объективным причинам Энергетический клуб полноценно воплотиться в жизнь не сможет. Очевидно, что Китай уже почувствовал угрозу своей региональной гегемонии, к которой он стремится, а ведущая страна ЦАР Казахстан сейчас, скорее всего, изберет выжидательную позицию. Здесь, конечно, нельзя не отметить тот неутешительный для России вывод, который можно сделать, анализируя обстановку внутри Шанхайской организации сотрудничества в целом и российскую политику в регионе ЦАР в частности. На сегодняшний момент в «гонке инициатив», навязанной Китаем, Россия выступает в качестве догоняющего. Несмотря на то, что ее ответы перспективны, глобальны и хорошо продуманны, они все равно остаются ответами, так как Китай изначально был на шаг впереди. Но у Энергетическо-

го клуба есть все шансы стать ходом, ответ на который потребует от Китая огромного труда.

Современная ситуация позволяет говорить о развитии регионально-евразийского измерения Энергетического клуба, если мыслить в категориях С. Лузянина, на наш взгляд – подобранных очень удачно. Однако основы глобального измерения уже прослеживаются в отношениях Россия – Европа в рамках совместных переговоров об Энергетической Хартии ЕС, в рамках развивающихся отношений в сфере энергетики Европа – ШОС [19], они отражены в Энергетической стратегии России на период до 2030 года [2] и т.д. Система энергетической безопасности, в перспективе, способна стать ресурсом влияния в области региональной безопасности, гуманитарного сотрудничества и экономики [14]. Значение идеи Энергетического клуба для интеграционных процессов в Евразии нельзя недооценивать, ибо, будучи созданным «сверху», он подготавливает почву для интеграции «снизу», путем объединения бизнес-сообществ и институтов в энергетической сфере держав Европы (нельзя забывать о статусе партнера по диалогу у Республики Беларусь), АТР, Ближнего Востока и Южной Азии. Представляя собой пересечение интересов в сфере энергетической безопасности стран из означенных регионов, Энергетический клуб находится в самом сердце тех процессов в Евразии, которые ведут ни много ни мало к установлению нового миропорядка.

Очевидно, что в настоящее время на Евразийском континенте наиболее остро стоит вопрос «энергетических мостов» – путей транзита углеводородов, нефти и природного газа. Именно они выступают объектами геополитических игр. Сегодня информационные коммуникации и энергетические мосты формируют новое глобальное пространство, на котором разворачиваются не только геополитическое, но и геоэкономическое соперничество. Интеграционные процессы создают новые «Большие пространства», объединяя государства и порождая одновременно новые «узлы» геополитической напряженности. Энергетическая взаимозависимость в мире по мере роста потребления энергии будет усиливаться, будет усиливаться и борьба за контроль над энергоресурсами, и национальный эгоизм государств и регионов в деле обеспечения энергетической безопасности. Если в биполярную эпоху противостояние шло между двумя «Большими пространствами» (США, СССР), то в эпоху глобализации соперничество идет не только между формирующимися «Большими пространствами», но и внутри них. России выгодно не играть на противоречиях, а в энергетическом плане подталкивать к такой интеграции одновременно соседние пространства – Европейский союз, Центральную Азию, Китай. При достаточно сильных политико-экономических различиях энергетическая безопасность представляет собой общую проблему, способную связать интересы этих пространств.

Использованная литература:

1. Деловой Совет ШОС открыл двери «Энергетического клуба» // ИнфоШОС. – 2010. – 12 апреля. – [электронный ресурс]. – URL: www infoshos.ru/ru/?idn=5667.

2. К 2013 г. Казахстан и КНР планируют построить третью ветку магистрального газопровода // Центр энергетической экспертизы. – 2011. – 15 июня. – [электронный ресурс]. – URL: www.energy-experts.ru/news2899.html.

3. Кабанова Т. Казахстан, Китай и очень много нефти // Азия-информ. – 2009. – 4 января. – [электронный ресурс]. – URL: www.asia-a.ru/content/view/1347.

4. Каукенов А.С. Политика Китая в Шанхайской организации сотрудничества. Аналитический раздел информационного портала «Время Востока». – 2009. – 14 января // <http:// [электронный ресурс]. – URL: www.easttime.ru/analitic/3/8/560.html.

5. Лузянин С.Г. Евразийские энергетические «коридоры»: проблемы сотрудничества России и с регионами Центральной и Северо-Восточной Азии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. – М.: МГИМО, 2007.

6. Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель образца 2008 года. – [электронный ресурс]. – URL: www.perspektivy.info/oykumena/krug/shanchayskaya_organisaciya_2008-3-28.htm.

7. Мадиев Е. Перспективы ШОС: взгляд из Центральной Азии. – 2008. – 11 сентября. – [электронный ресурс]. – URL: www.easttime.ru/reganalitic/1/146.html.

8. На нефтерынок большого соседа: нефтепровод Казахстан – Китай обретает реальные черты – [электронный ресурс]. – URL: www.kaztransoil.kz/?id=146.

9. Парамонов В. Энергетический клуб ШОС и потенциал Ирана: проблемы и рекомендации. – 2010. – 18 января. – [электронный ресурс]. – URL: www.easttime.ru/reganalitic/2/230.html.

10. Путин поддержал создание энергетического клуба ШОС // Вести, канал Россия-24. – 2011. – 7 ноября. – [электронный ресурс]. – URL: www.vesti.ru/doc.html?id=623261.

11. Россия и Китай борются за бывшие советские республики Средней Азии // «Folha», Бразилия – inoСМИ.ru. – 2011. – 15 декабря. – [электронный ресурс]. – URL: www.inosmi.ru/middle_asia/20111215/180408899.html.

12. Сахаров Е.В. Энергетический клуб ШОС: азиатская стратегия победителей. – 2008. – 28 июля. – [электронный ресурс]. – URL: www.easttime.ru/analitic/1/3/239.html.

13. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. – 2002. – 7 июня. – [электронный ресурс]. – URL: www.shos2009welcome.ru/shos/document/text/.

14. Шанхайской организации нужен энергетический клуб // Энергетика и промышленность России. – 2011, ноябрь. – [электронный ресурс]. – URL: www.eprussia.ru/epr/185/13466.htm.

15. ШОС – пространство экономического взаимодействия и противодействия глобальному кризису // Материалы Санкт-Петербургского экономического форума. – 2009. – 5 июня. – [электронный ресурс]. – URL: www.forumspb.com/tv/5/.

16. ШОС создает Энергетический клуб // Новости горной промышленности. – 2011. – 10 ноября [электронный ресурс]. – URL: www.miningexpo.ru/news/18404.

17. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р – [электронный ресурс]. – URL: www.energosber.74.ru/Vestnik/2009/09_07.htm.

18. Antonenko O. The EU and the Shanghai Cooperation Organization – [электронный ресурс]. – URL: www.src-h.slav.hokudai.ac.jp/kaken/iwashita2007/01antonenko-eng.pdf.

19. Blank S. SCO as an «Energy Club», portents for the future – [электронный ресурс]. – URL: www.cacianalyst.org/newsite/newsite/?q=node/4224.

20. Xia Yishan. China-Russia Energy Cooperation. – Rice University Press, 2000.

Представляя собой пересечение интересов в сфере энергетической безопасности стран, Энергетический клуб находится в самом сердце тех процессов в Евразии, которые ведут ни много ни мало к установлению нового миропорядка.